

А. Мухоморов

САМОВАР

*Издательство
"Детская
литература"*

А. МИТЯЕВ

САМОВАР

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ
Н. ЦЕЙТЛИНА

МОСКВА
"Детская литература"

1974

САМОВАР

Всю зиму шли упорные бои. И наконец, ближе к весне, фашисты не выдержали, отступили.

Митя Корнев толком ещё не знал, что происходит. Он с удивлением и радостью смотрел, как в сторону вражеских позиций устремились наши солдаты. Бежали пехотинцы, сапёры, связисты с катушками. По следу, умятому танками, заторопились сани с боеприпасами, полевые кухни. В несколько минут обжитые за зиму траншеи, землянки и блиндажи опустели. Только Митин дивизион оставался на месте: орудия били вдогонку фашистам.

Но вот и они кончили стрелять. Из укрытий разом выехали автомобили-тягачи. Артиллеристы прицепили к ним орудия, побросали в кузова пожитки, забрались сами. Митя тоже хотел влезть в кузов автомобиля. Но тут подошёл старшина. Он протянул Мите вещевой мешок и сказал:

— Вот тебе, Корнев, продукты. Останешься охранять снаряды. Всё нам не увезти. Дня через три приедем за ними и за тобой.

И дивизион уехал.

Всё произошло так быстро, так неожиданно, что Митя не сразу понял, в каком он оказался положении.

Оставшись один, Митя пересчитал ящики, окрашенные для маскировки известью, поправил, чтобы лежали ровно. А больше делать было нечего. Митя ходил возле снарядов. Прислушивался. Всмотривался.

Но никакого движения не было вокруг, и не было ника-

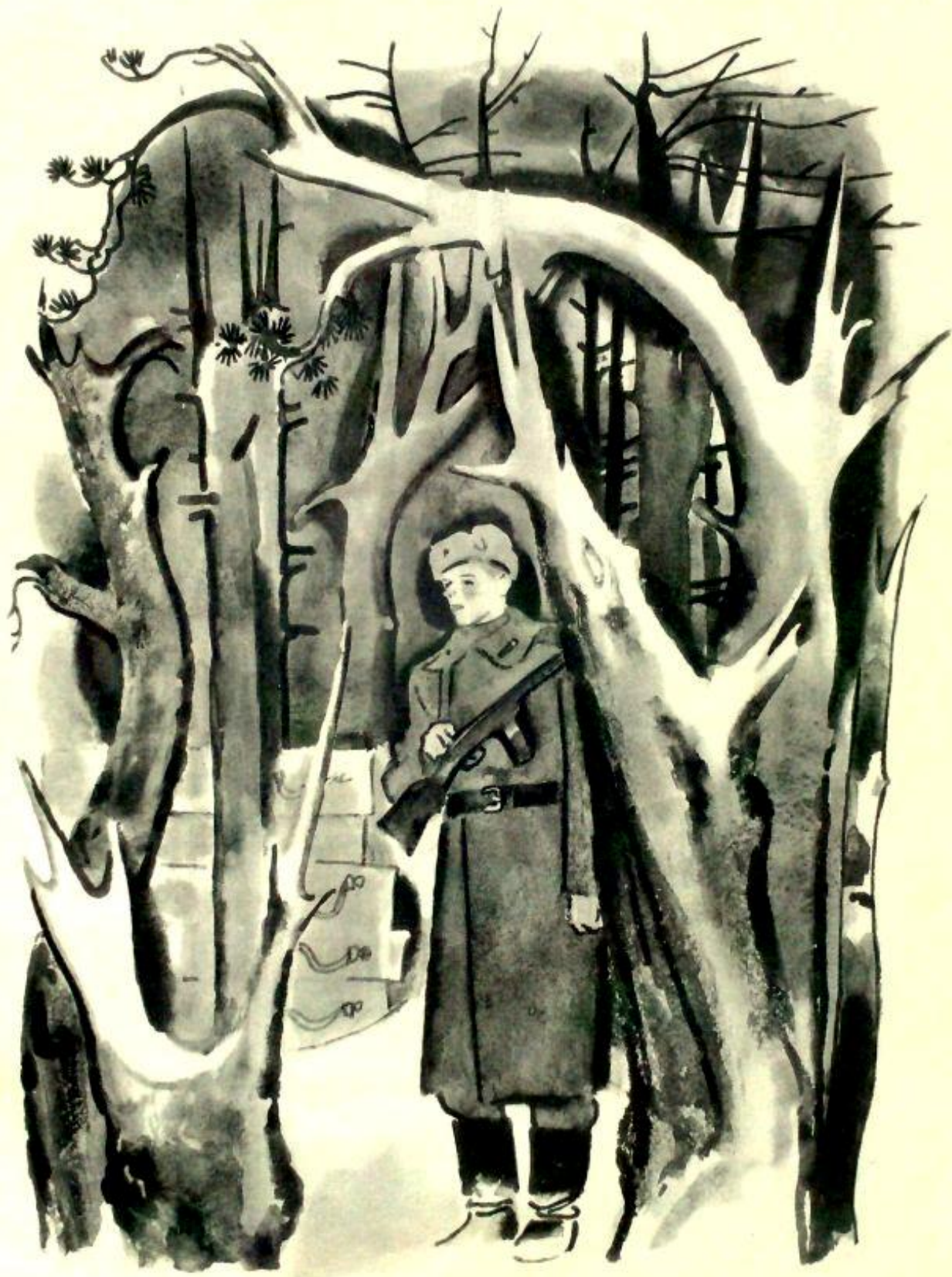
ких звуков. Стояла мёртвая тишина. Люди ушли в наступление. А птицы и звери скрылись из этих мест ещё раньше. Бомбы и снаряды падали здесь так густо, что изломали и посекали каждое дерево в лесу. От сосен остались одни разодранные пеньки — высокие, выше человека. В наступавших сумерках остатки деревьев казались фантастическими существами. Они тянули во все стороны изломанные щепки и будто жаловались Мите на свою горькую судьбу. Митя смотрел на них, и на сердце у него становилось всё тревожнее.

Стемнело, Митя забрался в блиндаж. Хозяева увезли с собой печку и лампу. Митя ощупью отыскал лежанку, сгрёб к стене солому и лёг, устроив под голову мешок с продуктами. Автомат положил рядом.

Тепло из блиндажа ушло. Вместе с ночным холодом стали к Мите подбираться страхи.

«Что, если подкрадутся фашисты? — думал Митя. — А может быть, придёт волк-людоед? Вот сейчас заскребётся лапами в дверь... Дверь тонкая. И запора нет...» Мите захотелось вскочить, выстрелить в дверь длинной очередью из автомата. Но он не вскочил, заставил себя лежать. И так, лёжа, дождался других мыслей: о том, что он солдат, бояться ему не полагается. И волки, и немцы должны бояться его, Митю Корнева. Он не просто ночует в блиндаже, он охраняет склад боеприпасов — и горе тому, кто попытается их взорвать или выкрасть. «Пора на пост!» — сказал себе Митя. После этих слов он встал, поставил автомат на боевой взвод и открыл дверь.

Ночь не была чёрной, как казалось в блиндаже. Она была серая. Слабый свет шёл от снега. В этом сером свете Митя разглядел штабель ящиков со снарядами. Медленным шагом он несколько раз обошёл его и вернулся. «Теперь спать!» — приказал себе Митя. Натянул поглубже шапку, свернулся калачиком, подоткнул полы шинели, чтобы было теплее. Но в холоде и одиночестве сон никак не шёл. Митя чуточку задремал.

Утром, отогревшись у костра и пожевав сухарей, Митя отправился искать печку. «Иначе замёрзну, — думал он. — Хоть какая-нибудь плохонькая печурочка должна остаться. Столько народу жило всю зиму...»

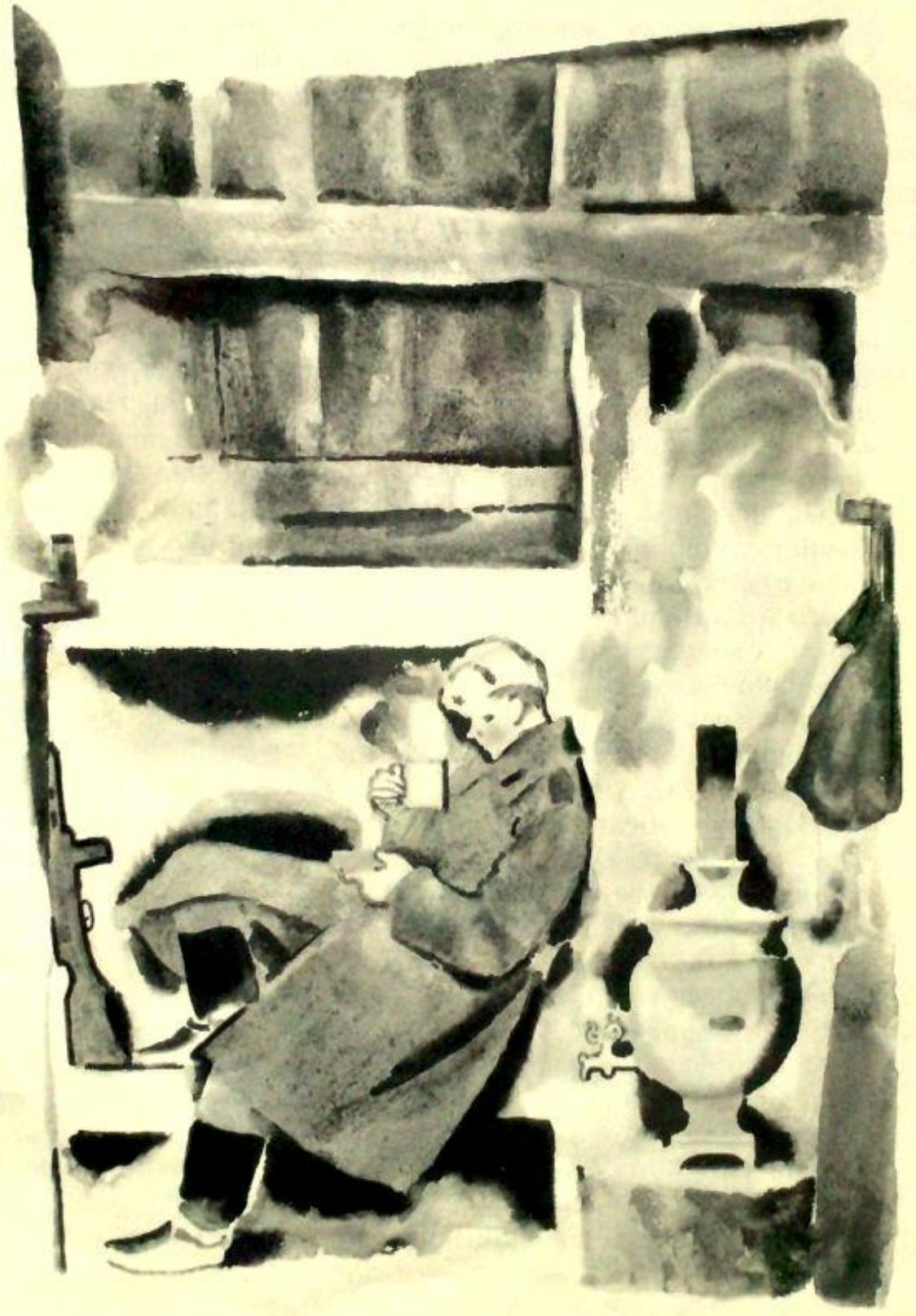
Митя лазил по блиндажам и землянкам. Много всякой всячины ему попадалось. Он нашёл лампу, сделанную из снарядной гильзы, нашлись даже концентраты пшённой каши, а печки не было. Кто же оставит такое сокровище в зимнюю пору! Но вдруг в полуобвалившейся землянке, куда Митя и заглядывать не собирался, но почему-то заглянул, он увидел самовар. Медный самовар был огромный и круглый. Он стоял на сосновой чурочке на четырёх широких, как у породистой собаки, лапах. Ручка короткого кра-на была затейливая, похожая на цифру восемь, на вось-мёрке сидело множество маленьких колечек и завитушек. Сверху на самоваре была конфорка с узорными выреза-ми — точно царская корона. Это был царь-самовар. От та-кой находки Мите стало весело. С концентратами за па-зухой, с лампой под мышкой, с самоваром на плече он отправился к себе.

Пост был в полном порядке. Митя занялся устройством своих дел. Сначала развёл большой костёр, чтобы нажечь для самовара угли. Потом принялся вырезать ножом дно консервных банок. Пустых банок было много, и скоро, втыкая одну в другую, Митя собрал длинную трубу. Ещё нужно было добыть воду. Митя набил снегом котелок, по-весил его над костром. Пока снег таял, он принёс из блин-дажа горсть песка, тряпицу и начал драить свою находку.

Медь хорошо отчищалась, самовар засиял. В красном самоварном боку Митя увидел своё лицо — с толстенным носом, с приплюснутым лбом и подбородком, с расплывши-мися в стороны щеками. Митя подмигнул своему изображе-нию, и рожа на самоваре ответила чудной, весёлой гри-масой.

«Ничего, жить можно!» — подумал Митя.

В блиндаже с самоваром стало уютно, прямо как дома.

А когда Митя разжѐг его, пошло тепло. И уж совсем согрелся Митя после чая. Напиться вдоволь настоящего самоварного чая — на войне такое не каждому улаётся!

Прохаживаясь у снарядов, Митя всё посматривал на блиндаж, на трубу, из которой поднимался сизый дымок. Ночью дыма не стало видно. Зато стали видны искорки, они летели вверх красными мошками.

И на следующую ночь Митя тоже долго не засыпал, тоже думал. Но мысли были спокойные, не тревожные, не страшные. Он представил себе людей, которые в мирное время сидели за самоваром. Наверное, это была большая семья. Мать с отцом, дети, бабушка с дедушкой. На столе у них стояли всякие вкусные вещи: баранки, лепёшки, варенье, конфеты... И над этой вкуснотой, над чашками и блюдами возвышался самовар. Потом напали фашисты. Хозяин самовара, конечно, пошёл на войну. А куда делись мать с детьми, дедушка с бабушкой? Ушли от фронта. Самовар оставили — вон он какой! Понеси-ка его... Пехотинцы, к которым он попал, тоже не понесли. Ясное дело — им жалко было с ним расставаться. Ничего не поделаешь — у пехоты груза и так много: винтовка, патроны, гранаты, противогаз, лопатка... Так рассуждал про себя Митя и незаметно уснул.

Три дня, обещанные старшиной, прошли. Но за снарядами и за Митей всё не ехали. «Верно, далеко погнали фашистов, — догадывался Митя. — Да ведь без снарядов как гнать их? Ну ничего. Подожду. Теперь ждать можно».

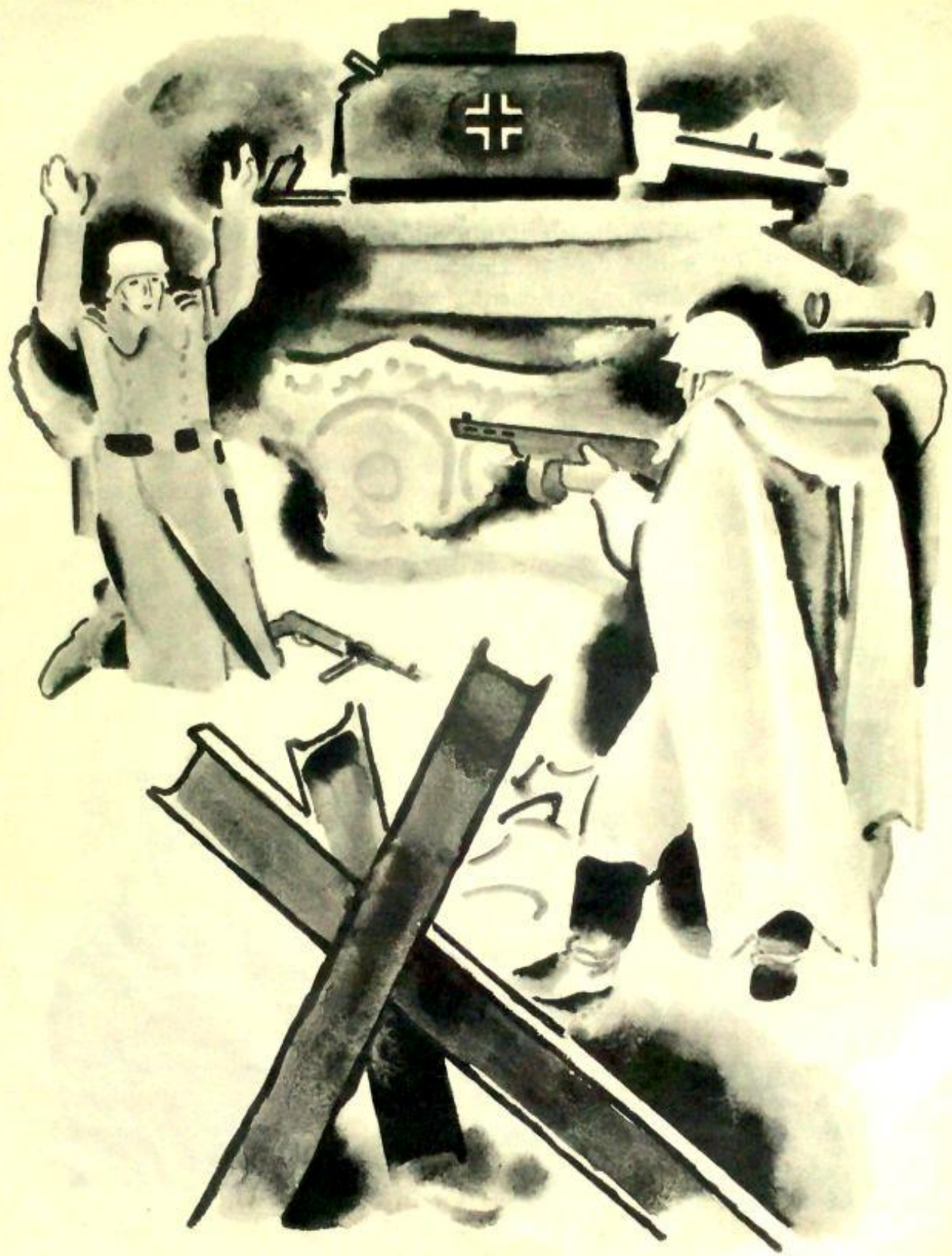
Однажды, это было на шестой день, самовар вдруг запел. В его горячей середине послышалось тонкое жужжание со звоночками. Крошечные звоночки с каждой минутой звонили всё звонче, всё чаще. Скоро отдельные звуки слились в один — будто загудела дудочка. Митя вспомнил шутивную примету: самовар поёт к дороге. И правда, в этот день приехали машины.

Митины товарищи, как погрузили снаряды, стали пить

чай. Кто заваривал в кружке берёзовую веточку, кто подгоревший сухарик. И все хвалили самовар, хлопали его по круглым бокам, будто благодарили за доставленное удовольствие.

Митя устроил себе место в грузовике среди ящиков. Уселся там удобно и положил ещё тёплый самовар на колени. Так он и вёз его до своего дивизиона.

КУРИНАЯ СЛЕПОТА

Митин товарищ ефрейтор Савкин взял в плен танкиста. Савкин лежал под немецким танком, подбитым на ничейной полосе, наблюдал в бинокль, откуда бьют вражеские пулемёты. В это время немец и приполз к танку. Видно, хотел узнать, какие повреждения у машины, чтобы потом увезти её к себе. Ефрейтор подпустил фашиста метров на десять, отбросил стволом автомата маскировку и сказал: «Хенде хох!»¹ Немец метнулся было в сторону, но тут же сообразил, что бежать бесполезно, и, стоя на коленях, поднял руки.

Савкин привёл пленника в расположение дивизиона. Командир похвалил ефрейтора, порадовался его удаче и приказал доставить немца на допрос в штаб бригады. Савкин под танком лежал весь день с утра, промёрз, проголодался. Дальше вести пленного поручили Мите Корневу.

До штаба было километра три. Дорога шла берёзовым лесом.

Митя шагал за фашистом. Ствол Митинового автомата смотрел в спину врага. А глаза Мити смотрели на природу. Начиналась весна. Зелени, правда, ещё не было, но и снега уже не было. Берёзы стояли тихие, торжественные — ждали встречи с настоящим теплом. Митя сорвал почку. Коричневая почка была как бы опутана зелёной ниткой. Это чешуйки начали расходиться, потихоньку освобождая листок.

Наступили сумерки. Похолодало. Берёзы стали строгие,

¹ Руки вверх!

почти зимние. Сумерки сгущались быстро, словно спешили спрятать деревья от заморозка. До штаба бригады было ещё далеко, как всё вдруг затянулось тёмной мглой. Ничего не стало видно: ни пленного, ни белых берёз. «Странный вечер», — подумал Митя и споткнулся о кочку. Он потёр глаза ладонью, будто на них была пелена.

Слух Мити напрягся. Он услышал гулкие удары сердца в груди. И ещё услышал, как шагает немец, тыча сапогами в сырую дорогу. Шаги были мерные, без сбоя. «Значит, — подумал Митя, — немец видит, куда наступает. Он не спотыкается, как я. Что же у меня с глазами? Неужели ослеп? Это куриная слепота наступила».

Митя испугался. Ему вспомнились солдаты, у которых была куриная слепота. Днём они видели хорошо. А как заходило солнце, их собирали из окопов, с огневых позиций, и они, беспомощные, держа друг друга за хлястики шинелей, шли за зрячим солдатом-поводырём. Шли подалее от передовой, в безопасное место. Ночью они не могли воевать.

Тревожные мысли пронеслись в Митиной голове.

«Если фашист убежит, что скажу командиру? Ладно, убежит — убьёт кого-нибудь нашего по дороге, взорвёт что-нибудь. Может, мне самому убить его? Пока не поздно, дать очередь перед собой — и готово. Но пленных нельзя убивать. Приказать ему лечь? И ждать, когда кто-нибудь пойдёт по дороге? Немец может догадаться, что не вижу, он-то церемониться не станет...»

Тут — то ли дорога стала твёрже, то ли пленный ушёл далеко — шаги стали едва различимы. Митя прибавил скорости, зашпешил, нога попала в яму, и он чуть не упал. Тогда, с досады или с отчаяния, Митя неожиданно для самого себя вдруг крикнул:

— Капут Гитлер?¹

— Гитлер капут², — согласился вблизи немец.

¹ Конец Гитлеру?

² Гитлеру конец.

Голос у него был спокойный.

«Не догадывается, — понял Митя. — Пока не догадывается».

Шагов через пятьдесят Митя опять спросил:

— Капут Гитлер?

— Гитлер капут, — отозвался немец. На этот раз сердито: дескать, что спрашивать, и так всё ясно.

Мите стало как-то неловко, вроде бы стыдно за такой однообразный несерьёзный разговор. Но других немецких слов он не знал и скоро опять задал надоевший пленному вопрос. Что было делать? По голосу пленного Митя определял, где тот находится, и проверял себя — не сбивается ли с дороги.

Когда Митя, проглотив сухую слюну, снова приготовился к вопросу, немец сам высокомерным тоном сказал:

— Капут, капут. Гитлер капут.

Он решил, что молодой конвоир, по виду совсем подросток, таким глупым образом со скуки развлекает себя. И чтобы не доставлять русскому удовольствия, немец с некоторым весельем и ехидством через равные промежутки стал громогласно объявлять конец Гитлеру.

«Считай себя умным, меня считай глупым, — думал Митя, — я потерплю». Новая забота одолевала его — не пройти штаб бригады. Штаб располагался в лесу метрах в двухстах от основной дороги. Как найти развилку?

На счастье, у развилки на ночь выставляли патрульных. Когда раздался окрик: «Стой, кто идёт?», Митя даже вздрогнул от радости.

— Свой! — закричал он. Тут же поправился: — Свой и немец! — И заговорил горячо, торопливо, боясь, что патрульный не дослушает, уйдёт, оставит его, слепого: — Пленного в штаб веду. А глаза не видят. Ты уж проводи нас. Боюсь упустить фашиста, побежит — мне не видно. Куриная слепота у меня.

— Ясно, — сказал патрульный. — А я-то думаю, чего это идут двое, и один орёт как заводной: «Гитлер капут!»?

Патрульный взял Митю за руку, сказал пленному: «Дуй вперёд!» — да с такой интонацией, что фашист его понял, и все трое зашагали к штабу.

Утром Митя опять стал видеть хорошо. Он пришёл в свой дивизион, когда начинался завтрак. На этот раз у походной кухни рядом с поваром стоял санитарный инструктор. И прежде надо было протянуть ему ложку, а потом уже котелок повару. Санитарный инструктор каждому наливал в ложку густую жидкость из бутылки и требовал, чтобы артиллерист её тут же пил.

— Что это такое? — спросил Митя, когда подошла его очередь.

— Рыбий жир.

— Рыбий жир я не люблю, — стал отказываться Митя.

— Пейте, Корнев, без разговоров, — рассердился санитарный инструктор. — Если бы я раньше начал давать его, вам не пришлось бы вчера маяться с пленным. У вас в организме нет нужного витамина, вот и нарушилось зрение.

Митя выпил рыбий жир, облизал ложку и сказал санитарному инструктору спасибо.

— На здоровье! — ответил тот.

И правда, Митя Корнев через несколько дней стал здоров. Он мог сражаться с фашистами не только днём, но и после захода солнца — в любое время суток.

ПЫЛЬ

Колёса да солдатские ноги истёрли землю на просеке в мелкую пыль. Пылью было покрыто всё вокруг: и трава, и кусты, и кузнечики.

Рядовой Митя Корнев ехал в грузовике рядом с шофёром. Кабина у них была щелястая, брезентовая — на железные тогда не хватало металла, — и пыль в ней стояла, что называется, столбом. Митя мечтал, как доберутся они до своего дивизиона, как вытрясут гимнастёрки, умоются водой.

Ехать оставалось немного. Но вдруг спереди хлопнуло. Грузовик осел, словно охромел. Спустило колесо.

Надо было поддомкрачивать машину, колесо снимать, вытаскивать из покрышки дырявую камеру, вставлять целую, накачивать, снова прикручивать колесо.

Минут за тридцать шофёр и Митя сделали что нужно. Проверили другие колёса. Можно было ехать. И тут Митя увидел: у него на гимнастёрке висит только ленточка от медали, сама медаль — серебряный кружок с надписью «За отвагу» — потерялась.

— Я медаль обронил, — сказал Митя.

— Как — обронил? — удивился шофёр. — Когда?

— Наверно, когда колесо чинили...

— Найдём, — сказал шофёр. Он встал у колеса на колени, запустил руки по самые локти в горячую пыль и принялся там шарить. У другого колеса склонился Митя.

— Чего, славяне, ищете? Не деньги ли? Найду — половина мне.

Рядом с грузовиком остановилась повозка. Ездовой, не дождавшись ответа, прыгнул. Со стороны могло показаться, что в дорогу ударил снаряд — такой столб пыли поднялся.

— Медаль потерялась, — признался Митя.

— Какая?

— «За отвагу».

— Дело серьёзное, — сказал ездовой. Он бросил в повозку кнут и тоже стал разгребать пыль.

Искали втроём, пока не засигналила полупортка. Повозка мешала ей проехать. В полупортке на госпитальных матрасах сидели санитарки. Чтобы не запылить волосы, они убрали их под пилотки и были похожи на мальчиков.

— Братишки! Что это вы, как куры, роетесь? — спросила маленькая санитарка, а подружки засмеялись.

Ездовой поднялся от колеса. Отводя лошадь, объяснил:

— Этот вот медаль потерял.

— Ну? — охнули санитарки хором.

Когда полупортка тронулась, маленькая санитарка крикнула Мите:

— Эх, ты! Тебя к нам в госпиталь на лечение надо!

Уехала полупортка. Уехал ездовой на лошади. Но дорога на то и дорога, чтобы шли по ней и ехали. С грузовиком поравнялось отделение сапёров. Начальником был пожилой старшина. Нос у него — как свёколка. Даже напудренный пылью, нос светился красным.

— Гайку потеряли? — спросил участливо старшина. — Ничего, без одной доедете.

— Гайку бы ладно, — ответил шофёр, — медаль...

— Растяпы! — рассердился старшина. — Учить вас некому!

— Может, миноискателем поищете? — попросил Митя.

— А чего! — согласился один сапёр и начал пристраивать на голове наушники. — Только машину подальше

отгоните. В ней вон сколько железа, в наушниках будет пищать — оглохнешь.

Митя очень обрадовался. Шофёр полез в кабину заводить. Но красноносый старшина скомандовал:

— Отставить поиск! Стройся! Шагом марш!

И сапёры ушли.

Митя так и сел у колеса. От обиды сами собой покатились слёзы. «Ну что за человек? — думал Митя. — Чего стоило помочь?»

Он не слышал, как старшина на ходу объяснял сапёрам:

— Машину нельзя трогать. Так хоть видно, где медаль могла упасть. Вот они, все четыре колеса — как в песне поётся... А миноискателем медаль не найдёшь: на дороге и гайки, и гвозди, и болты, и пули, и осколки, ещё пуговицы солдатские...

К грузовику в это время подъехала казачья разведка. Хоть и жара, на казаках шапки-кубанки. Брюки у рядовых, как у генералов, с лампáсами. На ремнях шашки, пистолеты, за спиной автоматы. И у каждого разведчика полная грудь орденов и медалей. Блестят! — казакам пыль не пыль.

Всадники приостановили коней. Один наклонился с седла к Мите:

— Что пригорюнился? Кто обидел?

Мите было стыдно объяснять. Да ведь спрашивают.

— Медаль обронил. Вот уж час ищем...

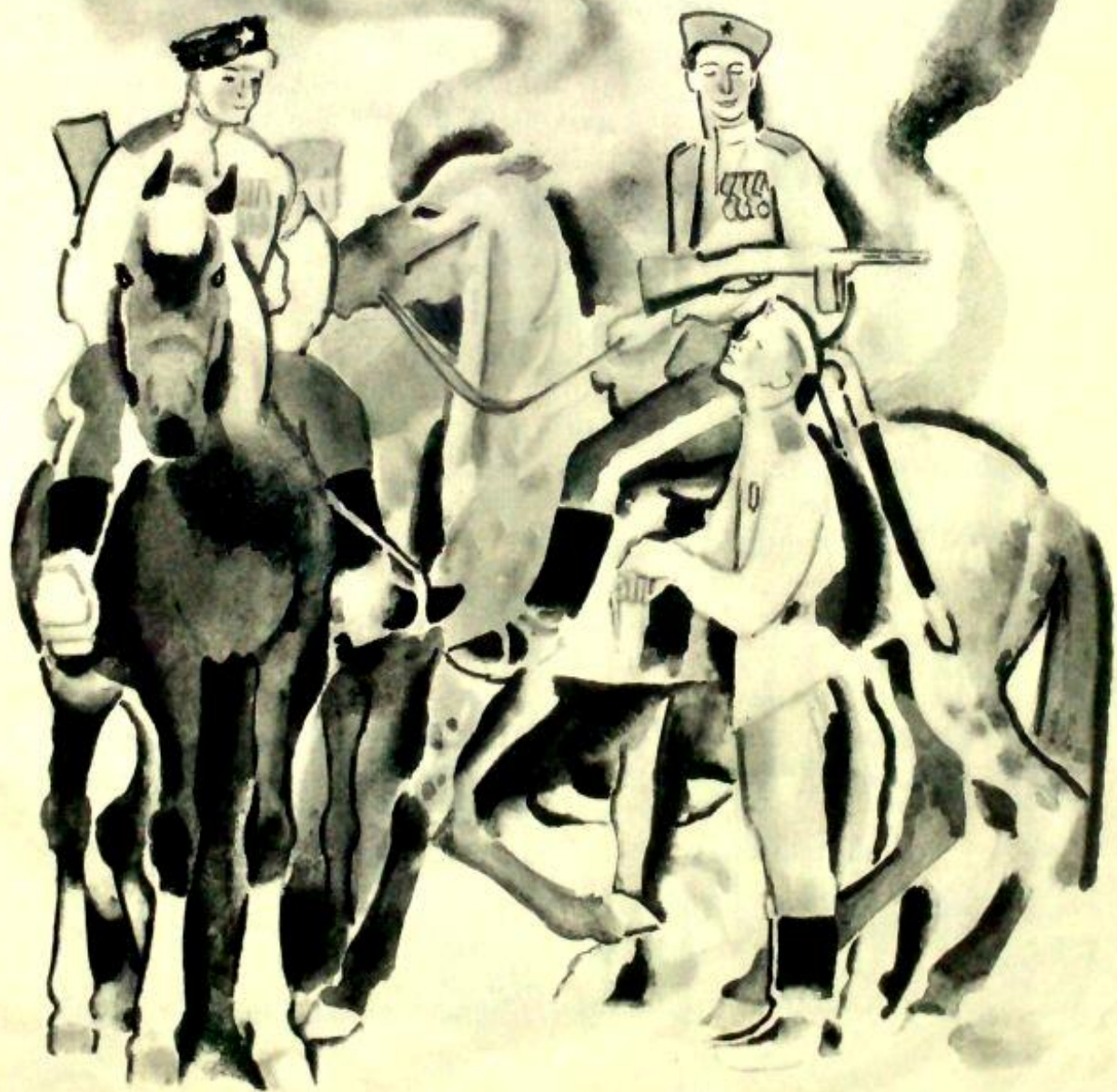
— Козлов! — крикнули из середины взвода. — У тебя медалей полно. Дай им одну.

— Не дам, — сказал серьёзно разведчик. — Свою не уберегли, чужую подавно посеют.

Казаки тронули коней. Взвод окутался пылью, как облаком. И с этим облаком исчез за поворотом.

Подъехал повар на полевой кухне. Из трубы сочился дымок. В котле за железной стенкой пыхла и ухала каша. Повар был молодой, Митин ровесник.

— Да я бы, — говорил он, — если бы получил медаль, уж берёг бы... После войны пойдёшь по улице с медалью —

всякий скажет: «Этот не трусил перед фашистами». А мне награду получить негде. Я всё время с кашей. Ты, — утешал он Митю, — не горюй. Ещё получишь. И даже орден. У вас, артиллеристов, есть где получить. Ты уж извини, что не помогаю искать. Роту кормить надо. Я бы и кашки вам положил, да нельзя в такой пыли котёл открыть...

— Чего там, — сказал Митя, тронутый участием, и крепко пожал повару на прощание руку. — Всё! — сказал Митя, когда кухня уехала. — Не найти.

Митя сел на подножку грузовика. Шофёр сел рядом. Они думали об одном: пора ехать. В дивизионе уже беспокоятся. А медаль найти просто невозможно. Ничего не поделаешь. У многих людей бывает несчастье. Теперь несчастье случилось у Мити.

Шофёр пошёл на обочину, сорвал колючий кустик и стал сбивать пыль с брюк. У Мити и на такое лёгкое дело не было силы.

Тут подкатил «козёл» — коротенький автомобильчик с брезентовым верхом. Он затормозил около грузовика, да так лихо, что пыль, которая крутилась за ним, улетела вперёд. «Козёл» как бы обманул её. Откинулась дверца, выглянул лейтенант:

— Почему стоите? Горючее кончилось?

Митя вскочил с подножки:

— Горючее есть, товарищ лейтенант. Сейчас поедем. Медаль искали. Потерялась, когда колесо чинили.

— Нашли? — спросил лейтенант.

— Никак нет, — ответил Митя.

— Искать снова. И найти! Даю пятнадцать минут сроку. — Лейтенант посмотрел на часы, потом на Митю, захлопнул дверцу, и «козёл», рванувшись с места, умчался.

— Разве поискать ещё? — неуверенно сказал Митя шофёру.

— Ищем пятнадцать минут, — согласился шофёр, — как велел лейтенант.

И они снова принялись прощупывать пыль у колёс.

Пыль была такая сухая, такая лёгкая, что текла между пальцами. В щепотку взять её было невозможно. В горсти она ничего не весила, горсть была словно пустой. И вдруг Мите показалось, что в руке есть чуть-чуть тяжёлое. Он медленно разжал пальцы, пыль сбежала с ладони, а на ладони, на самой её середине, лежал серебряный кружок.

— Нашёл! Нашёл! Нашёл! — закричал Митя и принялся наподдавать пыль сапогами.

— Да стой ты, — обрадовался шофёр, — ну-ка покажи!

Они долго разглядывали медаль. Как в тот день, когда Мите вручили её за отвагу при отражении немецких танков.

Цена 17 коп.

Д Л Я Д О Ш К О Л Ь Н О Г О В О З Р А С Т А

Анатолий Васильевич Митяев

САМОВАР

Ответственный редактор Н. А. Терехова. Комитет по художественному оформлению С. М. Алянский. Технический редактор Н. Д. Якуш. Корректор Н. Е. Кошелева. Сдано в набор 19/III 1973 г. Подписано в печать 18/IV 1974 г. Формат 60x90. Бум. типор. № 1. Усл. печ. л. 1. Уч.-изд. л. 2.71. Тираж 400 000 экз. Заказ № 1860. Цена 17 коп. Орден Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Орден Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга», № 1, Ростовская-на-Дону. Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вкл. 49.

М 70901-256 057-74
М101(03)74

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя